

Гилдерой Локхарт был, по его собственному мнению, достойным отцом. Было много мелочей, которые он терпеть не мог делать (например, он никогда больше не приучал никого к горшку), но Гарри удалось вырасти целым и невредимым, и он любил путешествовать. И это было хорошо, потому что Гилдерой не задерживался на одном месте дольше пары месяцев. То, что он ничего не слышал о том, что Дамблдор понял, что Гарри на самом деле находится не у своих родственников-маглов, ещё не означало, что он готов рисковать.

Гарри только что исполнилось десять лет, и это означало, что пройдет еще год, прежде чем они смогут наконец показать его миру. Гилдерой немного опасался сообщать ему, кто он на самом деле, поскольку, если Гарри начнёт хвастаться или невинно признается кому-то, это может повлечь за собой массу неприятностей, но, к счастью, Гарри, похоже, всерьёз воспринял угрозу, что если он кому-то расскажет, то его могут забрать и заставить вести очень скучную жизнь на одном месте в магловской Британии, и поэтому не проронил ни слова.

Теперь он собирался пойти на ещё больший риск, но это было необходимо сделать. Он откладывал это как можно дольше, чтобы посмотреть, как Гарри относится к секретам, и потому что было совершенно необходимо, чтобы Гарри даже случайно никому не рассказал, но время поджимало. Если Гарри не узнает правду о Гилдерое до поступления в Хогвартс, то он может попытаться повторить все эти истории, сделать что-нибудь глупое и гриффиндорское и погибнуть, и где тогда они окажутся? Возможно, Гилдерой и считал, что любая пресса - это хорошая пресса, но быть известным как страж, из-за которого убили героя волшебного мира, он не очень-то стремился. Его жизнь была бы намного проще, если бы он умел управлять чарами секретности.

"Гарри, нам нужно поговорить", - торжественно произнёс Гилдерой, сидя за столом во время завтрака.

Гарри поднял глаза от своих блинчиков. "Ты сказал, что это одна из тех вещей, которые ты никогда не хотел бы услышать, особенно от девушки".

Гилдерой кивнул. "Это абсолютно верно. Обычно это означает, что это что-то плохое, но всегда означает, что это что-то серьезное".

"А то, что ты хочешь сказать, это плохо?" с любопытством спросил Гарри.

Гилдерой заколебался. "Это... зависит, правда, от того, как на это посмотреть. Вчера вечером я слышал об оборотне, который был побежден в Советской Армении".

Гарри нахмурился, озадаченный. "Это не похоже на что-то плохое".

"Это не так", - заверил его Гилдерой. "Информация о том, что произошло, еще не вышла наружу". Пауза. "Весь мир узнает, как я победил его и спас ту маленькую деревню".

Гарри моргнул. "Но... ты этого не сделал. Ты был со мной, и мы не ездили в Армению".

"Может быть, строго говоря, это и так, но это не имеет значения. Я собираюсь сказать людям, что это правда, и собираюсь написать об этом книгу. Название книги - "Странствия с оборотнями" или "Прогулки с оборотнями". Как думаешь?"

"Определенно первое", - автоматически ответил Гарри. "Подожди... ты хочешь сказать, что собираешься врать людям и говорить, что ты это сделал, хотя на самом деле этого не было?"

Гилдерой кивнул. Момент истины. "Да. Что я всегда говорил тебе о правде?"

"Что ты должен долго думать, поможет ли тебе эта правда, а если нет, то зачем вообще ее рассказывать?" ответил Гарри.

Ещё один кивок. "Вот именно. Если я буду всем рассказывать, что какая-то старая армянская ведьма или колдун убил оборотня, то у меня не будет больше ни одной книги, и я обнаружил, что многие из этих народных героев даже не хотят собственной славы. Они просто хотят, чтобы их оставили в покое, и если бы люди узнали, что они сделали, они бы никогда не стали такими. Я делаю им одолжение, правда".

Как бы трудно ему ни было понять, что кто-то может не хотеть своей славы, он видел это достаточно часто, чтобы смириться с тем, что некоторые люди просто странные. Они совершали свои героические поступки, потому что "кто-то должен был" или "так было правильно", так почему же их нужно наказывать за их героизм, заставляя становиться героями, когда они этого меньше всего хотели? Почему бы не позволить тому, кто действительно хотел этой славы, забрать ее у них? Если бы он хоть раз предупредил людей, чьи достижения он считал своими, о том, что он собирается сделать, он хотел бы представить, что они будут ему за это благодарны.

Гарри прикусил нижнюю губу, и Гилдерой мужественно сопротивлялся желанию напомнить ему, что это может повредить его губу, а значит, и внешность, потому что Гарри действительно было над чем подумать. "Значит ли это, что и в других своих книгах вы не делали всего того, о чём писали?"

"Нет, не делал", - признался Гилдерой. "Это система, которая работает для всех. Мои чары памяти - это та область магии, в которой я разбираюсь лучше всего, и к тому же я талантливый писатель. Люди, которые на самом деле делали эти вещи, не хотят своей славы, а я хочу. Быть знаменитым - одна из самых приятных вещей в мире, Гарри. Куда бы ты ни пошел, все знают, кто ты такой. Большинство из них любят тебя, а те, кто не любит, часто просто завидуют. Люди прислушиваются к тому, что ты хочешь сказать, и, спотыкаясь, готовы дать тебе денег только за то, что ты обратил на них внимание. Да, конфиденциальность немного затруднена, но я думаю, что тот факт, что мне удалось скрыть от них правду о моих "великих делах" и о Вашей настоящей личности в течение многих лет, говорит о том, что сохранить ее не так уж невозможно".

"Так как именно это работает?" поинтересовался Гарри. "Вы узнаете о том, что кто-то стал героем, а затем, прежде чем люди узнают, кто именно, вы стираете им память и утверждаете, что это сделали вы?"

Гилдерой усмехнулся его наивности. "Ты говоришь об этом так просто! Вы забываете о том, что нужно обязать всех, кто знает, что произошло на самом деле - а иногда свидетелей бывает довольно много, - и провести длительный допрос человека, совершившего преступление, чтобы я мог написать убедительный и убедительный рассказ о событии. Понимаете, я должен получить все факты сразу, потому что все, что я не вспомню во время первого интервью, мне придется выдумывать, так как у человека, который совершил этот поступок, уже не будет ответа".

"Понятно..." медленно произнес Гарри.

"Вас это беспокоит?" спросил Гилдерой, надеясь, что ответ будет отрицательным. Ему бы очень не хотелось, чтобы ему пришлось Обливиэйтить собственного сына, и тогда он снова будет беспокоиться о том, что Гарри совершит какой-нибудь глупый геройский поступок и погибнет.

Гарри на мгновение замолчал, обдумывая сказанное. "Я так не думаю", - сказал он наконец. "По крайней мере, не настолько, чтобы считать, что ты должен остановиться. Может быть, это и нечестно, но ведь это не причиняет никому вреда, не так ли? А если им действительно не нужна слава..."

Гилдерой засиял. "Вот это дух! Сейчас я возьму тебя с собой в Армению, чтобы ты мог увидеть процесс, если вдруг тебе самому когда-нибудь понадобится его использовать, а после того, как мы вернемся, я научу тебя Обливиэйт".

Он полагал, что они смогут практиковаться на животных до тех пор, пока Гилдерой не будет уверен, что у Гарри всё получается, а затем они смогут нанять бедных местных жителей, на которых Гарри будет испытывать и совершенствовать свои чары... Конечно, после этого их нужно будет заставить забыть обо всём этом, но он не думал, что они нанесут какой-либо необратимый вред, а деньги будут вполне оправданы для них.